

Кашкин Е. В.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва)

**ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРНОМАРИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ТИПОЛОГИИ:
ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МГУ**

Работа поддержана грантом РФФИ № 19-012-00627.

Статья посвящена исследованиям горномарийской лексики, проводимым участниками лингвистической экспедиции МГУ имени М. В. Ломоносова. На представленных примерах обсуждаются возможности взаимодействия частного языкознания и лексической типологии.

Ключевые слова: горномарийский язык, семантика, лексическая типология, полевая лингвистика.

1. Введение: о проекте

Статья посвящена текущим результатам работы горномарийской лингвистической экспедиции МГУ, относящимся к исследованиям лексической семантики. О первых результатах изучения грамматики см. [1].

Экспедиция организована на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и продолжает традиции, заложенные в конце 1960-х гг. Александром Евгеньевичем Кибриком (1939-2012) и Ариадной Ивановной Кузнецовой (1932-2015). За это время были обследованы различные языки Кавказа, Памира, Сибири и Дальнего Востока, Поволжья. Из уральских языков изучались селькупский, ненецкий, энецкий, эрзянский, мокшанский, коми, удмуртский, хантыйский, луговой марийский (говор с. Старый Торъял). Подробнее об истории экспедиций см. [2].

Полевые исследования горномарийского языка на территории Горномарийского района Республики Марий Эл проводятся с 2016 г. большими (до 15-20 человек) группами из студентов, аспирантов, преподавателей, научных сотрудников. Их задачей является комплексное изучение фонетики, грамматики и лексики различных территориальных разновидностей горномарийского языка. В с. Кузнецово базируется экспедиция МГУ под руководством к. ф. н. Е. В. Кашкина, в с. Микряково – экспедиция МГУ и экспедиция НИУ ВШЭ под руководством к. ф. н. С. Ю. Толдовой. Далее при изложении результатов речь будет идти о материалах экспедиций в с. Кузнецово и окрестности (деревни Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер). Подробная информация доступна также на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

Мы следуем методологическим установкам, изложенным в [3, 4]. Работа ведется коллективно, каждый участник имеет 1-2 узкие области исследования, которые он должен детально разработать, после чего происходит взаимообмен информацией. Предметом изучения необязательно становится литературный язык, может изучаться и говор конкретного населенного пункта (что происходит и в нашем горномарийском проекте). Мы отделяем задачу научного исследования языка от задачи практического овладения им. Работа с материалом обязательно соотносится с достижениями современной лингвистической теории и типологии, а методами сбора данных служат анкетирование носителей, эксперименты и анализ текстов.

2. Горномарийская лексика: предшественники

Марийские языки имеют разработанную лексикографическую традицию, но, несмотря на это, нельзя утверждать, что их лексика (и в том числе горномарийская лексика) изучена исчерпывающе. Наиболее известен и весьма информативен 10-томный марийский словарь [5], однако наиболее подробно в нем освещены и проиллюстрированы луговомарийские данные, тогда как горномарийские лексемы и особенно примеры остаются на втором плане. Словарь горномарийского языка [6], несомненно, отвечает задачам

разбора текстов, преподавания и базового сравнения с другими близкими идиомами, но, как правило, не содержит детальных сведений о сочетаемости и семантических различиях синонимов. Другие марийские словари в целом находятся в одной из описанных ситуаций.

Различные аналитические очерки лексики (например, [7, 8]) содержат сведения о тех или иных семантических полях, но вынужденно оказываются довольно фрагментарными. Хорошо известны работы по языковым контактам марийских идиомов (см. хотя бы [9]), но в них выбран особый фокус, как правило, не предполагающий детальных семантических описаний. Работ по конкретным семантическим группам горномарийской лексики пока не особенно много, а многие из них в известных нам работах не подвергались специальному рассмотрению вовсе. На широком типологическом фоне горномарийская лексика пока не рассматривалась.

3. Лексика в работе экспедиции

3.1 Темы и методы

В проведенных на данный момент экспедициях изучались темы из области признаковой лексики – в основном это прилагательные и образованные от них наречия (цветообозначения; температура; качества поверхностей; ‘мягкий’ – ‘твердый’; ‘прямой’; ‘мокрый’ – ‘сухой’; ‘чистый’ – ‘грязный’; ‘старый’ – ‘молодой’, ‘новый’; ‘светлый’ – ‘темный’), а также из области глагольной лексики (закрывание-открывание; вращение; колебание; бросание; падение; извлечение объекта; звучание; боль).

Мы следуем фреймовому подходу к лексической типологии (см. [10–12]). Сопоставление лексических единиц (как внутри одного языка, так и в типологии) основано в рамках этого подхода на анализе сочетаемости и на выделении классов ситуаций – фреймов, противопоставленных в тех или иных языках. Методами сбора данных служат анкетирование носителей, анализ словарей, анализ корпусов. В наших исследованиях в первую очередь применяется анкетирование, поскольку объем рабочего корпуса текстов невелик в сравнении с корпусами «крупных» языков вроде русского или

английского и не содержит в достаточном количестве все типы контекстов, которые нужно учитывать при описании конкретной лексемы. При исследовании некоторых семантических зон, в частности цветообозначений, мы дополнительно проводили эксперименты (что широко используется в ряде других подходов, см. обсуждение в цитируемых работах).

Далее мы приведем некоторые иллюстрации того, как могут взаимодействовать исследование горномарийской лексики и лексическая типология. Данные, напомним, относятся к восточным говорам с. Кузнецово и окрестностей. Подробного сопоставления с другими идиомами в дальнейшем обсуждении не проводится.

3.2 Глаголы перемещения веществ ('литься', 'сыпаться')

В некоторых финно-угорских языках одна и та же лексема выражает значения 'литься' и 'сыпаться' (коми *киссьыны*, мокшанский *пяярмс*) [13, 14]. В других языках мира такое совмещение тоже возможно [15]. В горномарийском языке эти значения выражаются глаголами *йогаш* и *виләш*. В этом случае тоже возникает одинаковая лексикализация перемещения жидкости и перемещения сыпучей массы, но с интересными особенностями.

Глагол *йогаш* описывает течение водоема (*Каремьштёй аңгыр йога* 'В овраге течет ручей') и метонимически пассивное плавание по течению (*Вьд мычки преня йога* 'По течению плывет бревно'). Применяется он и к другим жидкостям, перемещающимся как при длительном контакте с какой-либо поверхностью, так и без него: *Бьдёрьён лицәжжй мычки сьнзәвьд йога* 'По лицу девочки текут слезы'; *Вьд кран гьц йога, тьдём тёрләш келеш* 'Вода течет из крана, нужно его починить'.

Наименования сыпучих веществ также могут быть субъектом глагола *йогаш*, но только если траектория их перемещения имеет форму струи: *Пакетьштёш ыраж гьц лашаш йога* 'Из дырки в пакете сыпется (струйкой) мука'. Если же мука или иное подобное вещество сыпется через край мешка или высыпается отдельными небольшими порциями, то будет

использован уже глагол *вилӑш* (см. о нем далее). С наименованиями субъектов большего размера, не образующих траекторию в форме струи, глагол *йогаш* не сочетается: **Роколма пакетӑштӑш ыраж гӑц йога* – ожидаемое значение ‘Картошка сыпется из дырки в пакете’.

Глагол *вилӑш* применяется к сыпучим веществам (*Лашаш мешӑк гӑц вилеш* ‘Мука высыпается из мешка’, см. также пояснение при обсуждении глагола *йогаш*) и к множествам небольших, как правило, природных субъектов (*Шӑжӑм пӑшӑнгӑ гӑц ӑлӑштӑшвлӑ вилӑт* ‘Осенью с деревьев опадают листья’; *Мешӑк кышкедӑлтӑн, тӑшецӑн роколма вилеш* ‘Мешок порвался, оттуда высыпается картошка’).

Перемещение жидкостей глагол *вилӑш* описывает только в том случае, когда они переливаются через край контейнера: *Юр гишӑн пецкӑ цицок ылеш, дӑ вӑд ӑлӑкӑ вилеш* ‘Из-за дождя бочка переполнена, и вода выливается вниз’, см. также пример *Лем вилеш*, переведенный в [6, с. 35] как ‘Суп проливается (при кипении)’. Другие случаи перемещения жидкостей описываются глаголом *йогаш*, см., например: *Левӑш гӑц вӑд когон йога / *вилеш* ‘С крыши вода сильно течет’.

В целом глаголы *йогаш* и *вилӑш* демонстрируют известную типологически, в том числе в генетически близких языках, модель совмещенной лексикализации перемещения жидкостей и сыпучих веществ. Однако горномарийский язык вносит в эту модель свою специфику, значимую и для дальнейших типологических уточнений, а именно, ограничение на тип траектории (см. употребление глагола *йогаш* с названиями сыпучих веществ), а также ограничение на тип исходного положения (см. употребление глагола *вилӑш* с названиями жидкостей).

3.3 Глаголы закрывания и открывания

Во многих языках кодируется особым глаголом ситуация закрывания с использованием инструмента (запирающего устройства), ср. в русском языке *запереть* или в английском *to lock* [16]. Горномарийская система интересна в

свете и этого параметра, и некоторых близких к нему (подробнее см. [17]). Имеется глагол *сыралаш* ‘закрывать на замок’, предполагающий наличие инструмента. Указанное противопоставление в некоторых контекстах релевантно для глаголов *чүчәш* и *питйрәш*, однако в целом не позволяет объяснить различия в их употреблении.

Глагол *чүчәш* является наиболее нейтральной лексемой со значением ‘закрывать’: так, он применим к закрыванию двери, книги, контейнеров, глаз (в последнем случае наряду с глаголом *кымаш*).

Глагол *питйрәш* имеет более ограниченную сочетаемость и предполагает более плотное закрывание, которое затрудняет доступ в ограждаемое пространство. Часто при этом предполагается наличие инструмента, но в общем случае и за глаголом *чүчәш*, и за глаголом *питйрәш* могут стоять как ситуации с наличием инструмента, так и ситуации с его отсутствием: *Бидйр сыравач доно амасам чүчй / питйрйш* ‘Девочка закрыла дверь на замок’; *Пүэргй пиш силан амасам питйрен шйнден / чүчйн шйнден* ‘Мужчина с силой захлопнул дверь’.

В первую очередь глагол *питйрәш* применяется к частям строений: *Мбйнь капкам питйрйшйм, әрәкә йүшйвлә пырен йнжйштй кердеп* ‘Я крепко закрыла ворота, чтобы пьяные не могли зайти’. В приведенном примере речь идет о сложнее отменяемом ограничении доступа, чем в случае глагола *чүчәш*: например, контекст с *питйрәш* может предполагать, что ворота крепко подперли палкой. В следующем примере с *чүчәш* по умолчанию предполагается, что ворота закрыты, например, на щеколду, которую легко открыть снаружи: *Капкам чүчйм гбйнь, әрәкә йүшй пырен кердеш* ‘Если я просто прикрыла ворота, пьяный может зайти’.

Глагол *питйрәш* (но не *чүчәш*) описывает затыкание отверстий: *Ыражым ватка доно питйрйшйм* ‘Я заткнула дырку ваткой’. Здесь идея плотности закрывания связана с плотным контактом между преградой и краями того пространства, куда она помещается. В других контекстах

маркированной плотности закрывания тоже может встречаться лексема *пүтйрәш*. Например, закрывание глаз может быть описано общим глаголом *чүчәш* или специальным глаголом *кымаш*, но не исключен в этом случае и глагол *пүтйрәш* – если выражается значение ‘крепко закрыть, зажмурить’ (*Яргата тыл гың мыйн сыйнзәм цат пүтйренәм* ‘От яркого света я зажмурил глаза’) или если результат нельзя отменить (*Колышы эдемлән сыйнзәм пүтйрәш келеш* ‘Умершему человеку нужно закрыть глаза’).

В целом в поле глаголов закрывания горномарийский язык существенно дополняет типологические сведения. Интересно также, что в антонимичной зоне глаголов открывания не возникает столь сложной системы оппозиций: все соответствующие контексты покрываются доминантным глаголом *пачаш* ‘открывать’. Согласно типологическим исследованиям глаголов закрывания и открывания, такая асимметрия не является априори ожидаемой (ср. [18] о богатой системе русских глаголов открывания – *открыть, отпереть, отворить* и др. – а также о типологическом фоне). В этом случае горномарийские данные любопытны в свете теоретических работ об асимметрии антонимов (например, [19, 20]).

3.4 Прилагательные наличия влаги и гибкости

В горномарийском языке существуют различные способы указания на наличие влаги. Разными средствами может быть описана и гибкость объекта. В данном разделе мы сосредоточимся на прилагательном *лывыргы*, входящем в оба названных поля.

Во-первых, это прилагательное описывает наличие влаги на поверхности, внутри объекта или в каком-либо пространстве: *лывыргы выргем* ‘влажное белье’, *лывыргы шуды* ‘сырое сено’, *лывыргы лепкәжй* ‘влажный лоб’, *лывыргы игечй* ‘влажная погода’, *лывыргы кыдеж* ‘сырая комната’ (данные автора и П. С. Плешак).

Во-вторых, *лывыргы* может указывать на гибкость человека или предмета: *лывыргы провылык* ‘гибкая проволока’; *Бидйрәш*

гимнастикѣшкѣ каштеш, тѣдѣйн кѣпшѣи пиш лывыргы ‘Девочка ходит на гимнастику, у нее тело очень гибкое’.

В ряде контекстов лексема *лывыргы* описывает одновременно и наличие влаги, и гибкость, ср. *Мѣнь кѣрзинѣм лывыргы уала гѣиц плетенѣм* ‘Я сплел корзину из гибких прутьев’. В приведенном примере говорится о недавно срезанных прутьях, которые сохраняют внутреннюю влагу и в силу этого являются гибкими.

В данном случае в горномарийском языке проявляется смежность семантических полей наличия влаги и устойчивости к деформации, не проанализированная в типологических работах [21–23]. Вопрос об истории и синхронном анализе данной полисемии требует дальнейшего исследования.

4. Некоторые итоги

Проведенная работа показывает, как могут взаимодействовать исследование горномарийской лексики и типологическое изучение лексической семантики. С одной стороны, типологический подход дает возможности для большей детализации анализа горномарийских лексем. Он позволяет сформулировать такие вопросы, которые многие годы оставались за кадром при работе с марийскими идиомами, изолированной от более широкого фона. С другой стороны, горномарийский язык (как и другие языки народов России, с которыми нам доводилось работать) развивает интересные семантические модели, которые могут сделать типологические исследования более полными, чем они были бы при обращении только к данным русского, английского, финского и подобных «крупных» языков. В целом изучение горномарийской лексики во взаимодействии с достижениями типологии представляется перспективной задачей для различных научных коллективов.

Литература

1. Кашкин Е. В. Полевое изучение восточных говоров горномарийского языка: лингвистическая экспедиция МГУ // XVII Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной региональной научно-практической конференции с международным участием «Горные мари в

- поликультурном пространстве», посвященной 90-летию со дня рождения д. ф. н., почетного профессора МарГУ Л. П. Васиковой (1927-2012) (Пайгусово, 28 мая 2017 г.). Йошкар-Ола, 2018. С. 3–12.
2. Жизнь как экспедиция (Сб. ст. к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова). В 2-х тт. М: Буки-Веди, 2017. 866 с.
  3. Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Издательство Московского университета, 1972. 182 с.
  4. Кибрик А. Е. Опыт ОТиПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство, 2005. С. 53–71.
  5. Словарь марийского языка в 10 томах. Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1990–2005. Электронная версия <http://marlamuter.com/muter/>
  6. Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. 404 с.
  7. Малова В. А. Лексические синонимы в горномарийском литературном языке. Дисс ... к. ф. н. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. 221 с.
  8. Саватеева Г. А. Лексические особенности правобережных говоров горномарийского языка. Дисс ... к. ф. н. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005. 321 с.
  9. Федотов М. Р. Чувашскомарийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саратовского университета, Саранский филиал, 1990. 336 с.
  10. Глаголы движения в воде: лексическая типология. Сборник статей. М.: Индрик, 2007. 752 с.
  11. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания, №2, 2013. С. 3–31.
  12. Rakhilina E., Reznikova T. A frame-based methodology for lexical typology // The lexical typology of semantic shifts. Berlin: Walter de Gruyter, 2016. P 95–129
  13. Жорник Д. О., Кожемякина А. Д. Глаголы падения в мордовских языках // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 45–57.

14. Кашкин Е. В. Коми язык и лексическая типология: глаголы падения // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 86–94.
15. Дзедзич Е. А. Глаголы движения и перемещения веществ: семантика и типология. Дипломная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 87 с.
16. Кашкин Е. В., Жорник Д. О., Сидорова М. А. Типологические открытия в поле закрывания (опыт исследования семантики глаголов со значениями ‘открыть’ и ‘закрыть’) // Acta Linguistica Petropolitana, № 2, 2018. С. 271–304.
17. Кашкин Е. В. Семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1-2 июня 2017 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 115–119.
18. Кашкин Е. В., Жорник Д. О., Сидорова М. А., Виноградова О. И. Навстречу открытиям: русские глаголы открывания в типологической перспективе // ЕВрика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной. М.: Лабиринт, 2018. С. 349–387.
19. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
20. Cruse D. Lexical semantics. Cambridge: CUP, 1986. 326 pp.
21. Kruglyakova V., Reznikova T. ‘Wet’ and ‘dry’: A cross-linguistic study. Доклад на 10-й конференции ALT. Лейпциг, 2013.
22. Pavlova E., Kholkina L. Words of hardness and softness: towards lexical typology. Доклад на 10-й конференции ALT. Лейпциг, 2013.
23. Павлова Е. К. Лексико-типологическое описание признаков ‘мягкий’ – ‘твердый’ в языках разных семей. Дипломная работа. М.: МГУ, 2014. 201 с.